Сергей Ли

Страшные сказки города Н

18+

роман в рассказах

Будни Адской Канцелярии

Сергей Ли

Страшные сказки города Н

«Автор»
2026

Ли С. Ч.

Страшные сказки города Н / С. Ч. Ли — «Автор», 2026 — (Будни Адской Канцелярии)

В городе Н есть улицы, которых нет на картах. По ночам здесь поёт колыбельную Матерь Отвергнутых, на перекрёстках бродит Чёрный Пёс, а в офисе Дьявола можно купить любое чудо — за свою цену.«Страшные сказки города Н» — роман в рассказах о чудовищах, которые оказываются человечнее людей, и о людях, столкнувшихся с собственными страхами, болью и надеждой.Потому что самые страшные сказки всегда — о нас самих.

© Ли С. Ч., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужая Колыбельная 6
Глава 2. И мы пошли домой 17
Глава 3. Открытые окна, закрытые двери 25
Глава 4. Песня Снежной Девы 33
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Сергей Ли
Страшные сказки города Н

Глава 1. Чужая Колыбельная

В колыбели лежал не её ребёнок. Не Олежка.

Та же одежда. Те же глаза. Тот же цвет волос.

Но это был не он.

Мир сжался до пределов колыбели и закружился безумным калейдоскопом.

Она сделала было шаг назад, но пол батутом ушёл из-под ног, и Герда пошатнулась, хватая воздух руками.

Что-то брякнуло и покатилось. Испуганная мать наткнулась на стену и сползла по ней, пытаясь зажать себе рот. К горлу подкатила тошнота, а скулы свело от горечи. Ноги больше не держали.

А пока она пыталась подняться, цепляя и роняя предметы, чужой младенец повернул голову и посмотрел на неё взрослыми глазами.

Пролепетал детским голосом:

— Здравствуй, мама.

***

День начался не слава богу. Герда только-только вернулась с ночной смены в магазине — Танька-сменщица опоздала на полчаса. Бесит, конечно, но понять можно — это она не со зла и не из-за безалаберности. Так-то добрейшей души женщина — всегда поможет, когда надо. Но у неё самой семеро по лавкам, и постоянно что-то случается.

Вот и в этот раз что-то случилось, и Герда получила нагоняй от матери.

— Я тебе нянька, что ли? У меня самой дел полно, на почту надо сходить. Думала пораньше выйти, а теперь приду — а там уже очередь километровая. У меня, между прочим, колени не казённые.

Герда слушала привычное бухтение с чугунной головой и тяжёлыми ногами. У алкашей будто нерест начался — каждые пять минут до самого утра в окошко ломился очередной страждущий. И не дай бог спутать подосланного ментами с местным хануриком. До пенсии будешь штраф выплачивать.

Ей бы покемарить часок. Ага, как же. Держи карман шире, мать-одиночка.

Дела за тебя кто будет делать? Пушкин, что ли?

Женщина покормила Олежку и, не позавтракав, принялась сортировать вещи. Стирки было море.

Она как раз успела включить машинку, когда из спальни донёсся плач. Усталая мать потёрла лоб и пошла наливать себе кофе. Без кофеина ей сегодняшний день не пережить.

Дура, нужно было энергетик на работе захватить. Хотя нет, тоже не вариант. С энергетиком я бы всех поубивала. — Герда бухнула в кружку пять ложек сахара и залила кофе кипятком.

И меня бы оправдали.

Прихлёбывая мерзкую жижу, она наконец добралась до сына и принялась его укачивать, морщась от горечи во рту.

Может, жёлчный барахлит? С её питанием сутки через трое с него станется.

— Баю-баю-баю-бай. Поскорее засыпай. — Челюсти буквально разодрало зевком, аж за ушами хрустнуло. Глаза слезились, веки наливались свинцовой тяжестью. Но нужно было держаться.

— Придёт серенький волчок и укусит за бочок. Да, блин, спи ты уже. — У Олежки резались зубы. Всё понятно, но сколько уже можно?

К счастью, сын потихоньку успокаивался. Когда она уже собиралась вернуть его в манежик, затарахтела стиралка. У Герды всё внутри обмерло — звук был необычным.

Трясущимися руками она положила сына обратно и побежала в ванную.

Всё было плохо.

Пока женщина пыталась отключить машинку, ещё была надежда, что это просто глюк, мелочь. Забыла что-то внутри, вот она и вибрирует.

Отключить машинку получилось.

Включить — нет.

А гарантия кончилась неделю назад.

И пока она кусала губы и думала, во сколько обойдётся ремонт, из спальни снова донёсся пронзительный плач Олежки.

Он бил по ушам, не давал сосредоточиться. Резал нервы тупой пилой.

Что-то треснуло у неё внутри, и Герда заорала:

— Да чтоб тебя черти взяли! Неужели нельзя заткнуться хотя бы на пять минут?

Плач стих. Резко, будто обрезали.

Медленно, будто продираясь сквозь невесть откуда взявшийся страх, она подошла к колыбели.

Внутри лежал чужой ребёнок.

***

Пока она тряслась, вцепившись в плечи, подменыш как ни в чём не бывало сказал:

— Не бойся, мама. Теперь всё будет хорошо.

— Кто ты? — Герда с трудом сглотнула. Во рту было сухо, как в пустыне.

— Я ответ на твои желания. И исполню одно, но самое главное. — Детский голос был абсолютно неправильным. Как будто взрослого мужика заставили притворяться младенцем, и ему это не очень нравится.

— Я хочу вернуть своего сына, — прошептала Герда, почувствовав лёгкий проблеск надежды. — А вдруг это просто сон? Поехала слегка от переработок, вот и чудится всякое. Сейчас посплю часок и…

— Врёшь, мама. Зачем ты врёшь? — зашипел чужой голос.

Существо медленно переворачивалось в своей колыбельке. Детские ручки тряслись, личико покраснело от натуги. Наконец оно встало на четвереньки и со злостью посмотрело ей в глаза.

— Если ты так хочешь вернуть своего сына, зачем посылала его к чертям? Хорошо, что Матерь Отвергнутых услышала. Если бы не она — рыдала бы ты сейчас над пустой колыбелью.

— Я! Хочу! Вернуть! Своего! Сына! — закричала мать.

Гнев в чужих глазах потихоньку утихал. Через минуту они снова смотрели на неё холодно и отрешённо.

— Я могу устроить тебе встречу с Матерью Отвергнутых. Но есть правило. Сперва я должен дать тебе выбор. — ей пришлось сжать трясущиеся пальцы в кулаки.

— Какой выбор? — прошептала женщина. Боль от впившихся ногтей немного отрезвила её, и она снова обхватила себя за плечи.

— Или, — ответил ей неправильный голос, — я отведу тебя к Матери Отвергнутых, и она решит, отдавать ли тебе ребёнка.

— Да, отведи! — Герда подскочила к колыбели, но как будто на стену наткнулась. Чужие глаза смотрели в упор.

Не подпускали.

— Не торопись. Или я исполню твою мечту — жизнь без проблем. Ты ведь этого хотела? — чужой ребёнок склонил голову набок и посмотрел на неё с лёгким интересом.

— Какую мечту? — Сил ждать уже не было, хотелось закричать во всё горло: «Да быстрее ты уже!»

— Стану для тебя идеальным сыном. Не буду плакать, не буду мешать. Быстро стану самостоятельным. Буду помогать по дому и не буду шалить. Ты наконец-то сможешь жить и спокойно заниматься своими делами. И… — губы подменыша изогнулись в кривой улыбке. — Всё это за небольшую цену.

Обрывки воспоминаний о фильмах про дьявола пробежали в её голове и исчезли, оставив одну мысль.

В таких сделках всегда есть подвох.

— Какую цену?

— Немножко ласки. Не постоянно, нет. Иногда — когда у тебя будет время или настроение.

— Нет! — сама мысль о том, чтобы прикасаться к ЭТОМУ, гладить его по голове, вызывала омерзение. — Отведи меня к Матери Отвергнутых.

— Как пожелаешь, — ответил подменыш, и стены вокруг стали таять. Привычная реальность закружилась чертовой каруселью, и к горлу снова подступила тошнота.

***

Когда в глазах прояснилось, Герда и чужой ребенок оказались на улице. Этой улицы никогда не было в её городе. Никогда не было в её мире.

Вместо домов в небо тянулись вековые деревья с пожухлыми листьями. Толстые корни ветвились и сплетались в клубки.

Было тихо.

Солнечный день сменился ночью. Небо усыпали тысячи звёзд, а в центре висела огромная — размером с высотку — Луна.

Улица не была пустой. Пока она приходила в себя и озиралась по сторонам, мимо быстрой походкой успел пройти усталый мужчина в сером костюме-тройке. Он говорил по телефону и отвлёкся лишь на то, чтобы коротко кивнуть подменышу.

Следом за ним из темноты появилась странная женщина в чёрном пальто. Её сопровождал жуткий — Герда чуть не закричала — чёрный пёс. На руке у черноволосой женщины сидела ворона. Ручная птица посмотрела на них то одним, то другим глазом, а потом небрежно каркнула.

Вопреки страхам, ни пёс, ни женщина ничего плохого им не сделали. Просто прошли мимо, так же кивнув подменышу.

— Мама, — позвал её чужой голос.

Герда посмотрела вниз и увидела, как чужой младенец тянет к ней руки.

Совсем как обычный ребёнок, увидевший маму.

— Возьми меня на ручки.

Мать сморщилась от отвращения и отшатнулась.

— Ни за что! Ты не мой сын.

— Тогда у нас проблема, — в глазах подменыша промелькнула едва уловимая горечь. — Без меня ты к Матери Отвергнутых не попадёшь.

Он неловко похлопал себя по ноге.

— А я пока не умею ходить.

Несмотря на дрожь в руках, подхватить его под попку, обняв второй рукой, получилось легко. Руки помнили.

Маленькие ручки мягко обхватили её за шею.

Герда замерла.

На секунду показалось, что сейчас они стальным обручем сожмутся на шее. Перекроют дыхание, и пока она будет судорожно хватать ртом воздух и бить слабеющими руками по маленькому тельцу, их хозяин будет радостно смеяться.

Но этого не произошло.

— Я просто не хочу упасть, — прочитал её мысли младенец.

И ей на мгновение стало стыдно.

***

Идти пришлось долго.

Холодная земля обжигала босые ноги, а тело колотила дрожь — пар от дыхания тут же превращался в белые облачка, медленно растворявшиеся в стылом воздухе.

Зачарованная тропа петляла и кружила, всё глубже и глубже заманивая их в тёмный лес. И пока они шли, деревья, как огромные пальцы похороненных великанов, всё теснее и теснее смыкались над головой. Казалось, ещё шаг — и эти пальцы сожмутся в кулак.

И возврата не будет.

Женщина не заметила, когда перестала чувствовать боль в онемевших ногах и руках. Теперь она просто шла с пустой головой, уткнувшись взглядом в землю. Мышцы задубели, как бельё на морозе, и тело постепенно отказывало.

Клонило в сон.

Сквозь холодный морок с трудом пробивался чей-то голос.

— Шагай. Нельзя останавливаться. — И Герда делала очередной шаг, с трудом отрывая чугунные ноги от земли.

— Упадёшь, уже не встанешь. — Тело шаталось, как на сильном ветру, но продолжало идти.

— Давай же, давай — ещё немного. — Она размыкала ресницы, покрытые инеем, и заставляла себя сделать ещё один шаг.

— Ещё шажок. Ну пожалуйста. — Кажется, кто-то плакал. Но ей уже было всё равно.

Герда, как пьяная, качнулась вперёд и вдруг будто пробила невидимую стену.

В лицо ударил тёплый ветерок, окутавший окоченевшее тело, как пуховое одеяло.

Они пришли.

Женщина с облегчением вздохнула, и её кожу пронзили тысячи горячих иголок — холод понемногу отступал. Ледяное оцепенение наконец отпустило её мысли, и она впервые начала осматриваться по сторонам.

Через мгновение перед ней предстала Матерь Отвергнутых.

На руках у неё был её сын.

***

Старое древнее существо вырастало из огромного дерева. Могучий ствол опирался на бесчисленное количество корней, покрытых какими-то клубнями, и уходил в небо.

Она присмотрелась повнимательнее и чуть не выронила подменыша. Руки и ноги обратились в вату, и Герда, не удержав равновесия, рухнула на колени, завывая от ужаса.

Это были не клубни.

У каждого корня спал ребёнок.

Она выла во всю мощь своих лёгких. Но лес её не слышал.

Все звуки поглощала тихая мелодия, окутывавшая всё вокруг.

Матерь Отвергнутых пела колыбельную.

Корни мягко шевелились в такт мелодии, убаюкивая младенцев, сладко посапывающих под чарующие звуки древней песни.

Спустя мгновение до женщины дошло, что дети живы, и она снова смогла дышать нормально.

А колыбельная проникла в сознание, даря покой.

Когда она немного успокоилась, существо наконец открыло глаза и впервые за всё время посмотрело на неё.

— Здравствуй, дитя. Я тебя ждала.

— Отдай мне моего сына! — крик вырвался внезапно. Следом ударило осознание. Женщина поняла, на КОГО она только что наорала, и её кожа мгновенно покрылась липким потом.

— Тсс… — создание прижало палец к губам. — Я только что его убаюкала. Пускай поспит.

— Пожалуйста, верни Олежку, — прошептала Герда сиплым голосом, и слёзы покатились по её щекам.

— Бедный, бедный Олежка, — слова Матери Отвергнутых текли плавно, как песня. — Когда я впервые взяла его на руки, он сжимался в клубочек от любого звука. Пришлось спеть ему много песен, чтобы он наконец расслабился.

Она протянула ей сына.

— Посмотри на его лицо.

Олежка мирно спал, посасывая пальчик.

И это было неправильно.

Герда прищурилась — что-то беспокоило её в этой мирной картине, свербело на границе сознания, резало глаз.

Спустя минуту мозаика сложилась.

На лице Олежки не было напряжения. Он был абсолютно расслаблен.

Так, как никогда не был у неё в руках.

Она робко протянула к сыну руки, однако существо мягко, но неотвратимо прижало его обратно к своей груди. Тот заворочался и, прижавшись к монстру, снова тихо засопел.

А Матерь Отвергнутых теперь смотрела на потерянную мать.

— Бедная, бедная Герда. И тебя мне тоже жаль. Одна против всего мира. Без защиты, без поддержки. С гудящими ногами и головой. Когда ты последний раз спала, дитя?

Тёплая волна сочувствия чудовища навалилась на неё, как морская волна. Магия существа ворвалась в её мысли и смела их одним движением, как хозяйка крошки со стола. Герда глубоко вздохнула и обмякла под тёплым взглядом Матери Отвергнутых.

Существо её понимало.

Жалело.

И ничего не просило взамен.

Просто дарило любовь и ласку, потому что она есть.

Первый раз в жизни.

***

Когда Герда открыла глаза, она сидела, прижавшись к корням Матери Отвергнутых. Все страхи, заботы и желания давно ушли на задний план. Ей хотелось сидеть так вечно и просто плыть на волнах её колыбельной.

— Как жаль, что тебе я помочь не могу. — продолжило существо, заметив, что она проснулась. — Ты слишком взрослая и не сможешь остаться в этом лесу. Но я не хочу, чтобы вы страдали. Ни он, ни ты, ни малыш у тебя на руках.

Один из корней, как живая рука, приблизился к Герде и помог ей подняться.

Сон кончился.

На руках у неё по-прежнему сидел подменыш.

А Олежка всё так же дремал на руках древней старухи.

— Сделаем так, — наконец решила Матерь Отвергнутых. — Я дам тебе три испытания. Справься хотя бы с одним и уйдёшь отсюда с сыном на руках. А он, — она кивнула в сторону подменыша, — снова вернётся в мои объятья.

— Хорошо, я согласна. — Волшебный сон вернул ей силы. Герда выпрямилась. — Какое первое испытание?

— Найди любимую игрушку твоего Олежки, — голос Матери Отвергнутых стал глубже. — И принеси её сыну.

Деревья вокруг расплылись, меняя форму, и через мгновение Герда оказалась в комнате, полной игрушек. На руках у неё по-прежнему сидел чужой малыш.

***

Пока она осматривалась, пытаясь понять смысл задания, возле её уха раздался шёпот.

— Не торопись. Матерь Отвергнутых — самое доброе создание в этом мире. Но её испытания всегда с подвохом.

Выбирай с умом.

Женщина изумлённо посмотрела на младенца, но тот уже отвернулся, зарывшись лицом в её плечо.

Задание оказалось на удивление лёгким. Она сразу же увидела то, что ей нужно. Отодвинула дорогие машинки, пинком отбросила замызганный шарик для пинг-понга. Отложила в сторону деревянную куклу и наконец подняла с земли знакомую гирлянду.

Когда она уже собиралась сказать, что закончила, её взгляд зацепился ещё за одну игрушку. Это был старый плюшевый медвежонок.

Её медвежонок.

Когда-то самым страшным моментом в её жизни было конкретное время. Семь часов вечера. Время, когда с работы возвращалась мать.

К этому времени дочь старалась до блеска отмыть посуду, выдраить полы и пропылесосить паласы. И обязательно сделать уроки, даже если совсем ничего не понимала.

Потому что поводом могло стать что угодно.

В плохие дни девочка сворачивалась калачиком в постели и обнимала своего мишку. Только сжав его до боли в объятьях, ей удавалось успокоиться.

Когда он становился грязным, она его стирала.

Когда рвался — зашивала.

Пока однажды, не вернувшись с прогулки, не увидела, что он исчез.

На его месте была новенькая кукла. С бантами и в красивом платье.

Мать долго трясла этой куклой у неё перед глазами, пытаясь успокоить.

Потом недоумение в её глазах сменилось разочарованием.

Разочарование — гневом.

И был ещё один плохой день.

Но в этот раз обнять было некого.

***

Герда присела и прижала к щеке любимого мишку.

Несколько минут она наслаждалась теплом в месте, где он касался лица, и ей вспомнились редкие добрые моменты с матерью.

Покупка мороженого в парке.

Как они вместе зашивали мишку, когда он порвался в первый раз.

Больше ничего на ум не приходило.

А ведь она тоже была матерью-одиночкой, — всплыла в голове неожиданная мысль. — Тоже с ног валилась и не спала неделями.

Мысль была правильной, но на душе легче не становилось.

В этот момент кто-то неловко погладил её по лицу.

Мать встрепенулась, и подменыш снова спрятал своё лицо.

Она погладила его по спине, положила мишку на место и, взяв в руку гирлянду, громко сказала:

— Я закончила.

Через секунду она снова стояла перед Матерью Отвергнутых. Её сын уже проснулся и весело агукал, трогая монстра за лицо.

В груди что-то сжалось, но Герда взяла себя в руки. Она протянула гирлянду вперёд и потрясла, как много раз до этого.

Олежка скользнул по ней равнодушным взглядом и вновь повернулся к существу.

Глаза Матери Отвергнутых наполнились печалью.

— Прости, милая. Но это твоя любимая игрушка.

Не его.

И в её руке появился грязный замызганный шарик для пинг-понга. Малыш заагукал и тут же потянулся за ним. Вцепился в него крохотными пальчиками и попытался засунуть в рот.

А Герда вспомнила, как трясла этой чёртовой гирляндой, которую купила на последние деньги, перед ревущим сыном.

Она глубоко вздохнула и почувствовала, как руки чужого ребенка на её шее сжались чуть сильнее.

— Какое второе испытание? — наконец выдавила из себя мать. Надежда ещё была.

— Для этого испытания тебе понадобится малыш, который у тебя на руках. — женщина удивлённо посмотрела на подменыша. — Прими его сделку. Будь с ним иногда ласкова в обмен на его прилежание.

И не успела она спросить, в чём суть, как Матерь Отвергнутых взмахнула рукой.

***

Герда стояла в своей квартире с кружкой кофе и пыталась собрать мысли в кучу.

Хорошо хоть сын спал. Видимо, боль от режущихся зубов утихла. Хоть бы он поспал подольше. Дел было море.

Когда кофе наконец-то подействовал, усталая мать тяжело вздохнула и пошла разбираться со стиральной машинкой.

Кредит на ремонт ей не дали. Плохая кредитная история.

Когда женщина тихо плакала на скамейке, мимо проходил тот, кого она хотела видеть в последнюю очередь.

Санька-сосед. Плюгавенький мужичок, живший бобылём по соседству.

Как назло, он не отстал. Допытывался до последнего, что случилось. А потом предложил посмотреть, что там с машинкой.

Руки у него оказались золотыми.

А потом как-то само завертелось. Он и отцом оказался замечательным — любил Олежку как родного. А у неё наконец-то появилась возможность немного выдохнуть и подумать о будущем.

Нашла курсы делопроизводства — подруга Людочка посоветовала — и начала занятия.

— Мама, посмотри на меня.

Она оторвалась от учебников и с удивлением посмотрела на сына.

Он стоял с веником и совком и пристально смотрел ей в глаза.

— Уже подмёл? Молодец. Сходи погуляй что ли, у меня дел много. — и вернулась к учебникам. Материал был сложный, а завтра зачёт.

С поиском работы пришлось помучиться. Без опыта никто не брал.

Повезло, что всё та же Людочка по блату устроила ей собеседование. Семён Петрович — её шеф — был страшен: у неё чуть руки к резюме не прилипли. Въедливый как клещ, что ни вопрос, так засада.

Но, как ни странно, начальником оказался хорошим. Даже помог Олежку в гимназию устроить. Он многим так помог.

Тем не менее пахать приходилось без роздыха.

— Мама, посмотри на меня.

Она устало отвела взгляд от отчётов. Завтра дедлайн.

Сын стоял и смотрел прямо на неё. Она увидела на столе кружку с дымящимся кофе.

— Прости, я и не заметила, как ты подошёл. Спасибо за кофе. Извини, работы море — сегодня полночи спать не буду. — она вернулась к отчёту.

В тот день они с Санькой долго наряжались. Повод был.

Лучший выпускник гимназии.

Подал документы в три престижных вуза и сдал экзамены так, что все три готовы его хоть завтра зачислить. Теперь выбирать придётся.

С красными от гордости и смущения лицами они долго принимали похвалы от преподавателей и даже директора гимназии.

Смотрели, как он в первых рядах выпускников поднимается на сцену.

— Мама, посмотри на меня.

Она посмотрела.

Со сцены на неё глядел подменыш.

Она хотела отвести глаза, но не смогла.

Вокруг разваливалась на части школа, растворялись в воздухе люди, а она всё смотрела. Последним исчез Санька — она отчаянно пыталась хоть взгляд мужу бросить на прощание, но не смогла.

Смотрела в глаза обманутому ребенку.

И не могла ничего вспомнить.

Как он вырос?

Что любит?

С кем дружит?

Не помнила ничего.

И до самого конца не смогла вспомнить.

Когда она очнулась, у неё на руках тихо плакал подменыш.

По щеке Матери Отвергнутых медленно сползла слезинка.

— Ты уж прости его. Малыш всегда так старается. Но уже в третий раз…

Он просто хотел, чтобы у него была мама. Поэтому я его отпустила.

Герда долго молчала.

Когда она осторожно попыталась его погладить, то почувствовала, как под её ладонью сжалась хрупкая детская спинка.

— Прости меня. Но я должна вернуть сына.

Подменыш, не поворачивая головы, глухо ответил:

— Это уже неважно. Третье испытание ты не пройдёшь. Никто не справляется.

***

Мать закрыла глаза и долго собиралась с духом.

— Какое третье испытание?

Матерь Отвергнутых долго молчала. Потом, будто скрепя сердце, сказала:

— Олеженьке уже пора спать. Спой ему колыбельную.

И Герда запела то, что пела уже сотни раз.

— Баю-баю-баю-бай. Поскорее засыпай. Придёт серенький волчок и укусит за бочок. Баю-баю-баю-бай.

На третьем круге границы между нею и сыном рассыпались в прах, ощущения слились в единое целое, и она стала Олежкой.

Тело само свернулось в клубок, и она почувствовала холод. Теперь Герда парила в невесомости в холодной жестокой темноте, которая её не хотела. Постепенно пространство вокруг неё стало сжиматься, и ей стало ещё страшнее.

Четвёртый месяц беременности. Он только что её бросил. Как же она жалела, что уже не может пойти на прерывание.

Когда тесная и холодная тьма наконец выплюнула её наружу, она закричала от боли и ужаса. Холодные руки приложили её к холодной груди. Ребенок потянулся за единственным возможным источником тепла, но ничего не нашёл.

Роды были преждевременными. Пришлось переводить на искусственное вскармливание — своего молока не было.

А потом она долго вздрагивала от резких злых звуков.

— Баю-баю-баю-бай. Да спи ты уже! Сколько можно?

— ДА ЧТОБ ТЕБЯ ЧЕРТИ ПОБРАЛИ! — мышцы сжались, и она в ужасе проглотила свой крик.

А потом пришла колыбельная.

И боль ушла.

Это была колыбельная Матери Отвергнутых.

Она снова парила в пустоте, но теперь она была тёплой. Мышцы расслабились, и Герда раскрылась океану тепла и нежности, который обнимал и ласкал каждую клеточку её тела.

Но внезапно издалека донеслись знакомые звуки, и снова повеяло холодом.

— Баю-баю-баю-бай. Поскорее засыпай. Придёт серенький волчок и укусит за бочок. Баю, баюшки-баю.

Тело привычно свернулось в клубок, мышцы сжались, а она отчаянно попыталась спасти те остатки тепла, которые убивали знакомые звуки.

— Да заткнись ты! Не видишь, что ему больно? — закричала Герда сама себе, но, как заколдованная, продолжала петь эту чёртову колыбельную.

Когда она открыла глаза, Олежка свернулся в маленький дрожащий клубок на руках Матери Отвергнутых. Он не плакал. Просто сжимался, пытаясь спасти то тепло, которое она у него украла.

Третье испытание закончилось.

***

Мягкие корни, как руки матери, нежно гладили её по спине, но она этого не замечала. Просто смотрела в никуда сухими невидящими глазами и монотонно покачивалась, сидя на коленях. Голова была пустой, тело онемело. Единственное тепло, которое оно могло чувствовать, было теплом младенца, который по-прежнему мягко обнимал за шею и пытался гладить её по голове.

— Бедная, бедная Герда, — прошептала Матерь Отвергнутых. — Мне так тебя жаль. Но я не могу отдать тебе Олежку. Он сам этого не хочет.

Брошенная мать не спорила. Просто продолжала качаться на месте, глядя в одну точку.

— Я не хочу, чтобы ты страдала, — один из корней погладил её по голове, нежно, как никогда не гладила настоящая мать. — Поэтому я дам тебе прощальный дар.

Сейчас вы с малышом на твоих руках перенесётесь обратно домой. Отнеси его на окраину леса и оставь там. Сделаешь так, и сделка будет заключена. Как только ты положишь его на землю, отвернёшься и сделаешь шаг, случится чудо. Весь мир забудет о том, что у тебя когда-то был сын. И ты сама про это забудешь.

А потом сможешь начать жизнь с чистого листа.

Женщина перестала раскачиваться и молча опустила голову. Ей стало стыдно. Но ничего больше не оставалось.

— А теперь твоя очередь, малыш. Посмотри на меня.

Подменыш повернулся на её руках и посмотрел в грустные глаза Матери Отвергнутых.

— Ты нарушил правила. Нельзя вмешиваться в испытание. И я вынуждена тебя наказать. Сейчас ты заснёшь и проснёшься уже обычным младенцем. Без памяти, без знаний. Прости.

Ребенок молча кивнул. И снова прижался лицом к плечу чужой матери, будто пытался вдохнуть её запах на прощание.

Через мгновение он мирно засопел. А она оказалась дома, как будто всё ей приснилось.

Несколько минут Герда по инерции покачивала младенца. Потом осторожно положила его в колыбель. Впереди было много дел.

Поменять подгузник. Этот уже был мокрым. На улице прохладно, и неизвестно, когда Матерь Отвергнутых его заберёт.

Надеть на него тёплый комбинезончик, чтобы не замёрз.

Женщина немного подумала и пошла на кухню. Набрала горячей воды в пластиковую бутылку. Положила её в колыбель под бочок ребёнка.

Так ему будет теплее. Хотя бы некоторое время.

Нагрела питательную смесь в бутылочке. Сможет ли он сам попить?

Когда она наклонилась над ним, чтобы поплотнее укутать, малыш проснулся.

И знакомым движением погладил её по щеке.

Струна, которая натягивалась до звона весь день, лопнула обжигающей болью.

Герда опустилась на пол, и по её щекам потекли тяжёлые, обжигающе горячие слёзы.

Рядом в колыбели захныкал чужой ребёнок.

***

За окном стемнело незаметно. Мать поправила одеяльце на спящем сыне и подошла к окну немного проветрить. Врачи говорят, что свежий воздух во сне полезен детям. Главное, чтобы ребёнок был хорошо одет.

Несколько минут она молча подставляла лицо холодному воздуху и смотрела в тёмное окно.

Над городом плыла колыбельная Матери Отвергнутых.

От автора:

В следующей главе мы узнаем, куда торопилась женщина с вороной на руке и черным псом. А также, нашел ли подменыш свое счастье с Гердой.

Глава 2. И мы пошли домой

Все было подобрано идеально. Я был страшен как чёрт. Одного глаза нет, а веко изувечено кривым рубцом. Правое ухо висит, а левое торчит. Чёрная как смоль шерсть — клочками. Вместо хвоста обрубок.

Оставалось только выйти из темноты и показать все свои зубы.

Человек замер. Пакет выпал из рук на землю, и что-то звякнуло — стандартная реакция, всё шло по плану.

А потом он кинулся ко мне и, обхватив за шею, принялся трепать за уши.

Здрасьте, пожалуйста. Первый клиент за много лет, и тот ненормальный.

***

Минуточку. Что-то я как-то резковато начал. Позвольте представиться. Я Пёс. Чёрный Пёс. Ну тот самый. Как, не знаете?

Я прихожу к людям незадолго до смерти. Теперь узнали? А хотя откуда вам знать, я же к вам ещё не приходил.

В общем, я тут с Хозяйкой Ворон проездом. Её, я так понимаю, вы тоже не знаете? Ну ничего страшного — познакомитесь ещё, это никогда не поздно.

Короче, работа у нас тут. Я предупреждаю, а она провожает. Дело важное, кому попало не доверишь. Сейчас, правда, работы мало стало. Хозяйка Ворон говорит: мало верить стали. Что это значит, я без понятия, да и не моего ума это дело. Плохо только то, что, когда человек сам уходит, без нашей, значит, помощи, это всегда к бардаку приводит. Тут как-то кришнаит в Вальгаллу припёрся. Ох, Одноглазый и орал тогда — до сих пор помню. И самое обидное: мы-то тут при чём? Нас там вообще не было. Хотя он из-за этого и орал.

Так что в нашей работе с этими смертными одни проблемы. Сначала не верят ни во что, а потом шляются где попало. Поэтому Хозяйка Ворон везде, где нас ещё увидеть могут, старается работу сделать как положено. Вот так мы тут и оказались.

И надо же, как неудобно получилось. Первое дело за несколько лет — и такой конфуз.

Поскольку инструкций на такие случаи у меня не было, я просто сидел и скалил зубы. А этот сумасшедший тормошил меня, как домохозяйка холодильник на диете.

— Черныш, песик. Как ты вырос. А я-то, дурень, думал, что ты давно того уже. — Что-то горячее закапало мне на морду, и я чихнул. Что делать дальше, по-прежнему было решительно непонятно.

— Черныш, хороший мальчик, — не унимался ненормальный, продолжая поливать меня горячими каплями. Я старался держать дистанцию и вообще всячески показывал, что мне это имя не нравится. Потому что это не имя — это форменное оскорбление.

Мы вообще-то весьма строго к этому относимся. Попробуйте Хозяйку Ворон просто Хозяйкой назвать — заведёт так далеко, что Одноглазый опять разорётся. А меня, значит, можно, да? Значит, если Чёрный Пёс, так сразу Черныш? Безобразие!

То ли дело раньше — Гончая Аннуна — красиво же звучит? Или Чёрный Пёс Острова Мэн — и солидно, и сразу всё ясно.

Я с надеждой посмотрел на Хозяйку Ворон — может, она уже его заберёт куда положено, а этот позор мы потом забудем потихоньку?

Моя спутница молча отвела взгляд. Молча — это мягко сказано. Стоит себе — рот зажала и трясётся вся.

Значит, не заберёт.

И вряд ли забудет.

Ну и ладно. Потом её вороне перья повыдёргиваю. Тоже смешно будет.

Ненормальный за это время уже состряпал поводок из ремня и потащил меня за собой. Я упёрся передними лапами и не очень-то приятно проехался задним местом по асфальту. Тогда он просто взял меня на руки и понёс. А я подумал, что лучше уж по асфальту задом.

Разило от него так, что мухи на лету падали, а потом ползли догоняться. Надеюсь, арабские алхимики, которые до этой дряни додумались, горят в аду. Хотя им и положено, но мало ли — вдруг кто не доглядел? В адской канцелярии вечно бардак творится.

Ладно, пришлось смириться. Потерплю, сколько там ему осталось, а потом снова здравствуй, нормальная жизнь. Главное — не забыть вороне перья повыдёргивать.

***

Так я и доехал до квартиры ненормального. А когда въехал, то сразу же захотелось выехать. Пока он опускал меня на пол, а потом суетился, развязывая шнурки на ботинках, я подошёл к батарее бутылок и толкнул одну лапой. Та покатилась, весело звеня и сшибая своих соседок.

На секунду мужик отвёл глаза.

— Ты, это… не обращай внимания. Завтра выброшу. Сам понимаешь — перед кем мне тут прибираться?

И снова засуетился:

— О чём я думаю! — он хлопнул себя по лбу. — Ты же, наверное, есть хочешь. На улице небось не кормят-то.

И побежал на кухню. Делать было нечего, так что пришлось идти следом.

На столе, накрытом старой клеёнкой, плюнуть было некуда. Стакан, бутылки, банки с окурками. Тарелки какие-то с засохшей дрянью. Верёвка, мыло. Верёвка, кстати, хорошая — раньше так делать не умели. Мандрагору выращивать — самое то.

Я обвёл взглядом засранную кухню и остановил взгляд на мыле. Ненормальный вдруг задёргался. Суетливо схватил верёвку и несколько секунд озирался по сторонам. Потом бросил её в переполненное мусорное ведро. Следом отправилось мыло.

— Не обращай внимания, Черныш. Это я так… В общем, неважно.

Дурень! Зачем мыло выбросил? Я же собака, мне говорить не положено. Как тебе объяснить, что здесь такой срач, что одного куска мало будет?

Мужик смахнул мусор со стола в случайно найденный пакет. Потом побежал мыть тарелку.

Да что же ты творишь? Кто ж одну тарелку-то моет? Мыло возьми с пола, с мылом мой. Хотя ладно, тут мыло не поможет. Тут даже священный огонь не справится.

Через минуту передо мной стояла тарелка. На ней лежал приличный шмат колбасы, валивший с ног ароматом чеснока.

И чего ты от меня хочешь? — я посмотрел на мужика. Мужик с надеждой посмотрел на меня. Оба не знали, что делать.

Я толкнул колбасу лапой, пытаясь понять, какого ему от меня нужно. Мужик снова засуетился, зачем-то взял колбасу и начал счищать с неё какую-то плёнку. Счистил и вернул на тарелку.

И снова уставился на меня.

Тут-то меня и осенило. Этот ненормальный хотел, чтобы я — бессмертный дух, вечное существо — это съел.

Ладно, подыграем. Я взял колбасу передними лапами, сел и откусил кусочек.

И только тут понял, что что-то сделал не так.

Мой временный хозяин чуть в пляс не пустился от восторга. Странный какой-то. Ни разу не видел, как колбасу едят, что ли?

— Черныш, умница! Всегда знал, что ты умный, но даже не догадывался, насколько! — он снова потрепал меня за уши. Потом щедро плеснул себе в гранёный стакан вонючей жидкости и одним махом залил в себя. Несколько секунд морщился, потом выдохнул и потянулся за сигаретами.

У меня чуть колбаса из пасти не выпала. Хозяин, ты что, в хлеву родился? Где это видано, чтобы гость ел, а хозяин голодал? Хлеб с гостем положено преломлять, а не целиком отдавать.

Я откусил половину куска, взял его в зубы и осторожно положил ему на колени.

Несколько минут он ошарашенно смотрел на меня и колбасу у себя на коленях. Чуть сигарету из зубов не выронил.

— Ну, Черныш! Ну, голова! — по его щеке побежала одинокая слезинка. Он осторожно взял кусок и откусил. Закрыл глаза и начал смачно жевать, как будто в первый раз ест. Прекрасно его понимаю — неплохая жрачка. Только соли маловато, но это терпимо.

— Ты прав, Черныш. Абсолютно прав. Нельзя так пить. Неправильно это. — он снова потрепал меня по голове и о чём-то надолго задумался.

Так мы и трапезничали дальше. В холодильнике он нашёл жестяную банку с килькой в какой-то красной жидкости. Половину отлил мне, остальным стал закусывать. Надо же — понял как надо, а то я уж думал, что он совсем необучаемый.

Кстати, килька очень даже неплоха. Я последний раз, когда её ел, её зачем-то с чайками сквасили. Гадость какая, потом целый век рыбу не ел.

От воспоминаний о тухлой рыбе меня оторвал глухой стук. Хозяин спал на столе. Рука с сигаретой бессильно упала вниз. Некоторое время вонючая горящая палочка висела у него между пальцев, а потом упала на пол.

Прямо в кучу мусора.

Я немного понаблюдал, как тлеющий окурок дымится в куче хлама, постепенно занимаясь небольшим огоньком. Потом прижал его лапой и держал, пока вонь погасшего мусора не ударила мне в нос.

— Зря! — сказала Хозяйка Ворон.

От неожиданности я подпрыгнул и зацепил бутылки, которые тут же зазвенели. Солит он их, что ли?

Моя спутница с интересом оглядывалась по сторонам. Завидую. Мне бы её терпение. Хотя она по домам смертных чаще ходит — ей не впервой.

— Почему зря? Мне только сгореть не хватало сегодня для полного списка.

Уголок рта Хозяйки Ворон дёрнулся, а потом всё равно предательски пополз вверх.

— Чёрный Пёс. Просто так, для протокола. Ты бессмертный. И уже дважды бы сегодня освободился, если б не твоя самодеятельность.

Дела мои были табак. Нужно было предпринимать срочные меры. Я припал на все четыре лапы и взмолился:

— Может, всё-таки проводишь его уже? Сил моих больше нет. Я даже знаю, куда его пристроить. В Вальгаллу. Будет весь день с бутылками сражаться, а вечером его местные за своего примут. Если так сделать, то я тут вообще не нужен по закону. За ним Валькирия должна явиться. Обрядим её в костюм белки, и всё будет в полном ажуре.

— Нет уж. Сам вляпался, сам и расхлёбывай. — Хозяйка Ворон начала растворяться в полумраке. — Чтобы ни произошло, его время на исходе. Тебе нужно просто дождаться.

Я плюнул и сел дожидаться. А что мне ещё делать?

***

Когда Хозяин открыл глаза, я сидел перед ним и преданно на него смотрел. Ну или мне так казалось. Откуда мне вообще знать, как собака должна на хозяина смотреть?

— Черныш, хороший песик! Ждал, когда папка проснётся? — он протянул руку и снова потрепал меня за уши. Пришлось терпеть.

Мёдом у меня там, что ли, намазано? Почему смертных так и тянет за уши потрепать? Под мордой чесать нужно, дубина.

Хозяин немного позвенел бутылками — видимо, хобби у него такое — выбрал одну и внимательно оценил остатки на дне. Грамм пятьдесят ещё было.

Потом посмотрел на меня.

Я посмотрел на него.

Он подумал и вылил их в раковину.

Правильно. У тебя там такое болото, что немного отравы не помешает.

— Пойдём-ка, малыш, прогуляемся. Нужно к завтраку что-нибудь сообразить.

В принципе, мысль верная. Мне нравится. А вот то, что Хозяин полез за верёвкой, нет. Я тебе баржа, что ли, на верёвке меня по городу таскать?

Поэтому я предупреждающе помотал головой и молча пошёл в тот гадюшник, который у них называется прихожей.

Хозяин шустро засеменил за мной, причитая:

— Хорошо, хорошо. Только не убегай больше, ладно?

Ага, убежишь тут. Хозяйка Ворон за такое из меня мигом жертвенного быка сделает.

По пути ничего особо интересного не было. Хозяин шёл чуть впереди, постоянно на меня оглядываясь. Правильно — мне откуда знать, куда он на охоту ходит. Я не отставал, шёл чуть сбоку и думал, что мне дальше делать со своей жизнью.

Мимоходом рявкнул на ворону, смотревшую на нас с вершины дерева.

— Чего пялишься? Передай Хозяйке Ворон, что я работаю.

Потом увидел кое-кого поважнее. Бродячего пса.

Вы не подумайте, я товарищ ответственный. Сказали работать Чёрным Псом — получили идеального Вестника Смерти. Приказала Хозяйка Ворон быть домашней собакой, значит, буду учиться.

Я подошёл к псу и внимательно на него посмотрел. Тот обмочился и умчался прочь впереди своего визга.

Это был провал. Я-то думал каких-нибудь собачьих повадок от него нахвататься. Ну и ладно, не очень-то и хотелось. Сам справлюсь.

Мы как раз подходили к магазину, когда Хозяин поздоровался с усталой молодой женщиной с ребёнком на руках — видать, знакомая его. Малыш радостно помахал мне погремушкой, а потом прижался к матери, как будто боялся, что она исчезнет. Я кивнул — как-никак знакомый — из подменышей. Ну хоть у него всё хорошо.

А вот в магазине нас встретили неласково.

Продавщица, едва завидев нас с Хозяином, тут же уперла руки в боки.

– Ты офонарел что ли совсем? С собаками внутрь нельзя. Меня санстанция с потрохами сожрет.

– Танюш, прости. Мы на пять минут всего. Это же Черныш. Я боюсь его на улице оставлять – вдруг убежит или кто его обидит?

Женщина всплеснула руками.

– Але, алкашня! Ты на него трезвым смотреть пробовал? Это же не собака, это ужас на крыльях ночи. Ты его из секретной лаборатории спер что ли? Или из шаурмы собрал, вивисектор хренов? Ладно, давай уже по-быстрому, пока не увидели. Тебе как обычно?

Хозяин замялся. Я заметил, что руки у него трясутся мелкой дрожью.

– Нет, Танюш. Дай мне кефира, батон… – он кинул на меня быстрый взгляд – и колбасы чесночной еще коляску.

– Ну да. Я бы такое увидела – тоже бы пить бросила. Причем немедленно. Собакам, кстати, чеснок нельзя. У нас корм собачий есть, рассыпной. Брать будешь?

– Хорошо, тогда давай полкило корму… – начал было он и тут же получил тычок в зад. С удивлением обернулся и наткнулся на мой взгляд.

Очень собачий.

И сразу все понял.

Из магазина мы вышли с двумя кругами колбасы и парой банок консервов в придачу.

***

Колбаса с хлебом, кстати, очень даже ничего. Раньше хлеб был — зубы сломаешь, даром что я бессмертный дух. А сейчас совсем другое дело. Прямо как облачко жуёшь.

Вздремнуть после еды, правда, не вышло. Хозяин затеял уборку.

Ну что же — дело нужное. Пришлось подключиться. Ходил по дому, пинал бутылки. Да сколько же их тут? Точно солит.

Надолго Хозяина не хватило. Он на скорую руку распихал бутылки по пакетам и стащил их в прихожую. И там же тихо сполз по стенке, обхватив себя за дрожащие плечи.

Я, если честно, понятия не имею, что делать в таких случаях. Я дух смерти, а не скорой помощи. Поэтому просто подошёл и сел рядом. Он привычно потрепал меня за уши, кое-как поднялся и на негнущихся ногах заковылял в комнату.

В комнате достал из ящика старую фотографию в деревянной рамке и, сжав её трясущимися руками, залез на мятую постель.

Я подошёл к кровати и положил на неё голову. Мне было интересно, кто там на этой фотокарточке.

— Я ведь в тот день в сопли был, понимаешь. Как свинья нажрался — на заводе премию дали. — Хозяин отвернулся к стене, прижимая карточку к груди.

— Жена неделю просила меня с ней в центр съездить. Дети в парк хотели, — продолжил он глухим голосом.

— Я обещал. Я честно собирался.

Я не знал, что сказать, да собакам и не положено. Просто залез на кровать и прижался к его дрожащей спине. На полу было холодно, а у меня от холода кости ломит.

— Сегодня он должен был умереть в третий раз, — сказала Хозяйка Ворон, и я понял, что Хозяин спит.

— Судьба требовала, чтобы он с утра опохмелился и пошёл в магазин, где накупил бы спиртного на все оставшиеся деньги. А ты его снова спас.

Я закрыл голову лапами.

— Что я снова сделал не так?

— В том-то и дело, что ничего. — Хозяйка Ворон аккуратно почесала меня между глаз, и я немного расслабился. Значит, моей вины в этом не было.

— Просто в этот раз Норны плетут какой-то сложный узор. И ты, дружок, часть этого узора. Что бы ты ни делал, всё будет идти как должно быть.

***

Я проснулся вместе с Хозяином. Мы некоторое время чаёвничали — он мне сначала воды налил, но тычок носом всё исправил. Чай он заварил такой, что ложка стояла. Дело хорошее, от озноба напитка лучше нет.

Остаток дня прошёл в хлопотах. Выбросить мусор, перемыть посуду — дел была куча, и я помогал как мог. Ну ходил, лапой показывал. Он же бестолковый совсем, без меня ничего не может.

Вечером ему стало совсем худо. Когда мы добрались до постели, он обхватил меня руками и уткнулся лицом мне в загривок. Я не возражал — значит, судьба такая. Пускай поспит. Это тоже часть битвы.

Я не слишком умён, Чёрным Псам это вообще не положено по чину. Но, кажется, теперь до меня дошло, почему за Хозяином пришла именно Покровительница Воинов.

Утро третьего дня выдалось солнечным. Я спал плохо — снилось всякое, рычал, да и лапа дёргалась. Даже Хозяина несколько раз будил, но он, кажется, не в обиде. Вон как руками машет — видать, полегчало.

— Сходим в центр. Ты уж извини, с деньгами сейчас туговато. Так что придётся ножками потопать. — он налил мне в миску чаю. Крепкого, как я люблю.

— Купим тебе ошейник. Сейчас без ошейника нельзя. Гайки совсем закрутили. Как увидят пса без ошейника, так сразу в приют. И хорошо, что в приют, а то ведь могут и на живодёрню отправить.

Мы добили остатки колбасы и батона и наконец выбрались на улицу. А я снова увидел ворону.

Чёрная птица сидела на лавочке и угрюмо косилась на Хозяина то одним, то другим глазом.

Шерсть на загривке встала дыбом. Я оскалил зубы и зарычал.

— Вали отсюда.

Хозяин удивлённо обернулся и пару секунд переводил взгляд с меня на ворону.

— Что с тобой, дружок? Ворон не видел? Это же просто птица. А ну кыш отсюда, окаянная. Ещё нагадишь здесь, а тут люди сидят вообще-то.

Ворона каркнула и, неуклюже взмахнув крыльями, взлетела. И на прощанье таки нагадила. Вот сволочь.

Я выругался, вздохнул и пошёл было за Хозяином, как вдруг всё вокруг будто замерло. Мир споткнулся, не закончив шага, и в центре него стояла Хозяйка Ворон.

Смотрела на меня.

И впервые за всё это время не улыбалась.

Я опустил голову. Время пришло.

Хозяин, не найдя меня рядом, с удивлением обернулся.

— Черныш, ты что? Не бойся, просто дорогу перейдём.

Я посмотрел на его лицо и в первый раз в своей жизни закрыл глаза.

Так и стоял, опустив голову и зажмурившись, пока вокруг визжали тормоза и кричали люди.

***

Когда я подошёл к Хозяину, он сидел на тротуаре и удивлённо озирался по сторонам. Увидел меня и выдохнул с облегчением.

— Фух, Черныш, умный мальчик. Правильно сделал, что не пошёл. А то бы я тебя опять не уберёг. Сейчас дух переведу и… — он осёкся на полуслове.

Увидел тело. Вокруг него уже собирались люди.

— Как же так. Мы ведь только… — Он опустил голову и закрыл лицо руками.

Я впервые обрадовался, что не могу говорить со смертными на их языке. Слова сейчас ни к чему. Поэтому просто подошёл и ткнулся в него мордой.

Он отвёл руки от лица и привычно потрепал меня за ушами. Я потёрся об его руку головой и лизнул в ладонь. Всё было хорошо.

Потом поднял голову и снова посмотрел на Хозяйку Ворон. Она улыбнулась мне и коротко кивнула:

— Иди уже. Дорогу ты знаешь, не заплутаете. — И, помолчав секунду, добавила: — С тобой было весело работать. Заглядывай, как время будет.

Хозяин уже поднялся на ноги. Я привычно ткнулся носом ему в бедро.

И мы пошли домой.

От автора:

В следующей главе мы узнаем, с кем встретится мужчина в сером костюме и глазами разного цвета. И что будет делать обычный пенсионер, когда его покойная жена вернется с кладбища.

Глава 3. Открытые окна, закрытые двери

– Клава, я тут курабье купил. Прямо как при Союзе. Твое любимое, – старик поежился от сквозняка, тянувшего с подоконника, и потеплее укутался в старый халат. Потом налил в кружку крепкого ароматного чая и передал ее в открытое окно.

– О, Витя, спасибо, – улыбнулась ему жена. Тонкие девичьи руки приняли кружку и на секунду коснулись его ладони. Пальцы были ледяными. На дворе был октябрь.

Старик замер, а потом нежно обхватил ее хрупкую кисть своими крупными мозолистыми руками и тихо подул на пальцы в надежде хоть немного согреть.

Они с Клавой прожили долгую и счастливую жизнь.

Душа в душу.

До самой ее смерти.

Может быть, хотя бы чай ее немного согреет?

Он искоса наблюдал, с каким аппетитом жена хрустит печеньем. Потом довольно хмыкнул:

– Угадал, значит. Да, сейчас такое редко найдешь. Куда ни глянь – сплошная пластмасса, а не печенье. Тьфу, блин. Зла на них не хватает.

– А где нашел-то? – Клава осторожно поставила пустую чашку на подоконник, и он потянулся за чайником.

– Пекарня у нас новая открылась. По ГОСТу все делают – как раньше. Даже не верится: капиталисты, а дело свое знают.

Старик на мгновение ушел в свои мысли, а потом спохватился.

– Вот я дурень. Ты ж там задубеешь на скамейке, – он вскочил и, поморщившись от боли в колене, побежал в спальню. Вернулся с пледом и протянул его в окно.

– Держи. Подстелешь под себя – теплее будет.

– Да не холодно мне, – отнекивалась жена. – Зачем новую вещь марать?

– Держи, говорю. Это синтетика, потом в машинке отстираю.

Больше они не спорили. Скоро ей выходить, и оба это знали.

Приближалось время охоты.

***

Проснулся он по-стариковски рано. Было еще темно. В утренней тишине тихонько звякнула щеколда сарая. Значит, Клава вернулась.

Старик вышел на крыльцо и, потянувшись, вдохнул холодный октябрьский воздух. Лужи во дворе подернулись корочкой льда и весело хрустели под ногами, пока он медленно, чтобы не разбередить больное колено, шел за дровами.

На то, чтобы растопить печь, ушло минут пять. Виктор снова вышел за дверь и поднял лежавший на крыльце пакет с вещами. Пришло время стирки.

Он замочил одежду теплой водой и щедро сыпанул порошка. С этой синтетикой сам черт голову сломит. Как-то раз он ливанул слишком горячей воды, и после стирки вся одежда села на два размера. Клава потом долго хохотала, а ему пришлось ехать в центр. В их районе нормальной одежды, тем более для молодежи, не найдешь. Хорошо хоть машинка-автомат – ставь нужный режим, и голова не болит. Но без замачивания она с такими пятнами не справляется.

Машинку-автомат он купил несколько лет назад. Когда жена заболела, он перестал справляться. В последний год она почти не вставала. Даже в туалет приходилось ее носить на руках. Благо весила она всего ничего – болезнь съела его Клаву всего за несколько месяцев.

Поэтому стирки было много, так что пришлось разориться. О чем он сейчас не жалел ни капли.

Стирать приходилось каждый день.

От мрачных воспоминаний что-то сжалось в груди. Старик глубоко вздохнул, судорожно глотая воздух, и привычно полез в карман за таблетками.

Нитроглицерин подействовал не сразу. Пришлось привалиться к стене и закинуть еще одну таблетку под язык. Голову привычно сжало тяжелым обручем, но через минуту тяжесть в груди все-таки отпустила. Виктор потряс головой, осторожно оторвался от стены и пошел готовить завтрак.

Дел еще было много.

Завтрак обычный – яичница с колбасой, хлеб. Стакан кефира – говорят, для костей полезно.

Когда с едой было покончено, он привычно обошел сарай с проверкой. Придирчиво осмотрел окно, заклеенное картоном, – не отклеился ли скотч, нет ли где щелочки. По-хорошему, надо бы его заколотить глухим щитом, но лес нынче дороже золота стоит – с пенсии не потянешь. Старик вспомнил, как в молодости они с Клавой поругались из-за этих окон. Он настаивал, что в сарае их быть не должно – вдруг что сопрут? Жена твердила, что это не сарай, а летняя кухня. Дня три тогда не разговаривали. А потом он пошел и таки прорубил это чертово окно. Думай теперь, не обожжется ли она ненароком солнечным светом.

Что в своем доме никогда не заканчивается – так это работа. За всякими мелочами время прошло незаметно. Когда нытье в колене стало нестерпимым, Виктор присел на крыльцо и, чертыхаясь, стал его растирать.

Эта боль была с ним последние двадцать лет. Была она с ним и тогда, когда он зашел в палату к Клаве и увидел пустую и заправленную постель.

Проклятое колено добавило ему хлопот. Все думают, что, когда человек ушел, проблемы заканчиваются. Черта с два! Они только начинаются.

Оформить кучу бумажек. Заказать гроб. Подобрать место на кладбище. Выбрать памятник. Выбрать то, выбрать это. Выслушать сотню пустых соболезнований. И все это время на ногах. Ни присесть, ни выдохнуть.

И только вернувшись с похорон в пустой дом, он наконец-то позволил себе лечь и дать покой ноющему колену. Просто отвернуться к стене и поплакать.

А потом в дверь постучали.

И еще, и еще.

Он закрыл голову подушкой. Зажал уши. Неужели хотя бы в день похорон нельзя оставить человека в покое? Что ж вы за твари такие?

Стук не прекращался.

Он бил по ушам, пока старик, чертыхаясь, тяжело поднимался с кровати.

Тарабанил, пока он, воя от злости, ковылял к двери.

И лишь когда дверь рывком распахнулась, стих.

Несколько минут он стоял, широко раскрыв глаза. Мысли замерзли, не в силах принять происходящее.

Виктор попятился и осел на пол, зажимая рот в беззвучном крике.

На пороге стояла она.

Строгий наряд, отложенный женой для похорон, висел на ней мешком. Похоронный макияж в вечернем полумраке белел, как маска клоуна.

И только глаза не изменились.

Клава сделала было шаг в дом, но что-то не пустило ее дальше порога. Старик, не отводя взгляда, смотрел, как она упорно пытается пробить невидимую стену. Сначала с недоумением, потом с раздражением, а затем с гневом.

Наконец она успокоилась и вновь посмотрела на мужа.

– Витя, впусти меня, – тихонько попросила жена.

– Нет! – прохрипел он и попытался отползти подальше.

– Впусти меня! – Голос стал тверже. Старик обхватил себя трясущимися руками. Клава так с ним никогда не разговаривала. Это была не она.

– Пожалуйста, впусти меня. Я есть хочу, – теперь голос умолял.

– Нет, – прошептал Виктор и на четвереньках пополз к порогу. – Я тебя не впущу.

И с размаху захлопнул дверь.

Полночи он трясся под одеялом, слушая, как она ходит вокруг дома и зовет его на разные лады. Как будто заново учится говорить.

Потом голос стих, и стало еще страшнее.

А утром звякнула щеколда сарая.

В первый раз.

После рассвета он долго искал что-нибудь подходящее. В конце концов взял молоток и на ватных ногах выбрался из дома.

Во дворе было пусто. Щеколда сарая была опущена, но дверь оставалась плотно закрытой.

Не дыша, он прижался к стене возле окна и попытался заглянуть внутрь.

На полу комнаты ровным прямоугольником отпечатался утренний свет. В темном углу кто-то судорожно копошился под старыми мешками. Что бы ни вернулось со старого кладбища, оно боялось света.

Несколько минут старик думал, сжимая молоток. Что делать?

Милиция? Или как их там сейчас – полицейские?

Да меня в дурку упекут сразу. Что тут странного? Старый пень с глузду съехал.

Решение пришло внезапно, как удар.

Бензин.

Сожгу вместе с сараем. Живу на отшибе, пока заметят, пока пожарная приедет – даже пепла не останется.

А дом? Вдруг пламя перекинется.

Хрен с ним, с домом.

Виктор захромал к углу двора, где стоял видавший виды бензогенератор, накрытый полиэтиленом. Канистры были пустыми – с этими хлопотами забыл заправить. Пришлось искать шланг и сцеживать вонючий девяносто второй из бака.

Тихо, чтобы не брякнула, закрыл щеколду. Потом, уже не таясь, для верности подпер ручку двери черенком лопаты и только тогда заметил, чем она выпачкана.

Темно-вишневая жидкость на дверной ручке уже начала сворачиваться бурыми хлопьями.

Старик попятился назад и в этот момент впервые за сутки услышал знакомый звук.

Тихий, еле заметный скулеж, изредка прерывающийся хлюпаньем.

Он уже это слышал.

Когда доктор сказал им, что у них никогда не будет детей, они до самого дома молчали. Клава заперлась в спальне и целые сутки не выходила.

В тот день он, как и сейчас, беспомощно сидел у закрытой двери и не знал, что делать.

И слушал, как она тихо скулит, свернувшись в клубок и с головой укрывшись одеялом.

Когда звуки утихли, Виктор медленно поднялся на ноги и отпер щеколду. Убрал лопату и пошел закрывать ставни на окнах дома.

Спать сегодня не придется.

***

Шаткое перемирие продолжалось месяц.

Целый месяц он по вечерам закрывал все ставни и с наступлением темноты вздрагивал от каждого шороха. Когда усталость валила с ног, забывался коротким тревожным сном и опять просыпался от знакомого звука открывающейся щеколды. А потом до рассвета слышал, как тихо где-то там всхлипывает Клава. Или думал, что слышит.

Через месяц Виктор нашел в чулане коробку из-под стиральной машины и разрезал ее на аккуратные прямоугольники. Потом взял скотч и пошел заклеивать окно сарая. Пока работал, внутрь старался не заглядывать.

Еще через неделю в два часа ночи, когда Клава ушла на охоту, занес в сарай раскладушку. Костеря себя за то, что так и не провел свет, перетащил туда матрас и свежее постельное белье. И не забыл про ее любимую подушку.

В ту ночь он впервые за много дней спал как убитый. А утром поехал в центр. Нужно было купить одежду.

Вечером Виктор широко распахнул окно на кухне и долго сидел возле него в ожидании. Наконец дверь скрипнула, и он, собрав все свое мужество, спросил сиплым голосом:

– Клава, чаю не хочешь? Я как раз свежий заварил.

С минуту они молчали. Старик чувствовал ее взгляд, но на свет никто не выходил. Может быть, она и электрического света боится? – мелькнула мысль в голове, но тут же исчезла – глупость же.

Потом его осенило. За этот месяц от ее похоронного балахона, наверное, одни лохмотья остались.

– Там на крылечке я тебе одежду оставил. В пакете. Переоденься, если хочешь. Старую обратно в пакет засунь – я утром в печке сожгу.

Через мгновение он услышал шаги, и в вечерней тишине послышались звуки снимаемой одежды. Муж откинулся назад и, закинув руки за голову, впервые вздохнул с облегчением. Мысль была верной.

Когда жена робко вышла на свет, бивший из окна, старик непроизвольно задержал дыхание. Все-таки это была она.

Да моложе лет на пятьдесят. Стройнее на пару размеров. Бледная как смерть.

Но все-таки она.

Когда он передавал ей чашку через подоконник, руки предательски тряслись. А вдруг схватит? Вытащит в окно? Вдруг я ошибся?

Их пальцы соприкоснулись. На мгновение старик замер, а потом Клава взяла чашку и пригубила горячий чай.

– Спасибо, – теперь сомнений не оставалось. Виктор растер онемевшие пальцы и потянулся за вазочкой с конфетами.

В первый раз они говорили мало. Удобно ли ей? Что еще нужно принести? Хочет ли есть?

Она надиктовала ему целый список, а он хлопал себя по лбу, удивляясь, сколько всего забыл и о чем даже не подумал.

Массажка.

Тазик с водой.

Полотенце.

И много чего еще.

Ближе к ночи он заметил, что Клава о чем-то беспокоится. Что-то мелькало в глазах, какой-то неясный чужой огонь.

Когда она поймала его понимающий взгляд, ее лицо на мгновение исказилось. Жена отпрянула было назад, но муж успокаивающе поднял руки.

– Иди. Завтра вечером увидимся.

Так они и зажили дальше. Странно, неправильно. Но по-своему уютно.

***

Виктор еще раз потер свое колено. Боль успокоилась. Теперь можно наконец-то пойти и закинуть вещи в стиралку. И не забыть принести на кухню телевизор. Сегодня как раз новая серия выходит – Клаве нравится этот сериал.

Но сначала нужно купить продукты.

В местном магазине его хорошо знали. Танька-продавщица встретила старого клиента обычным кивком.

– А Герда где? – удивился Виктор. – Сегодня же ее смена?

– Отгул взяла. Сынишка приболел. Ничего серьезного, просто ОРЗ.

Старик кивнул и потянулся за списком покупок.

Как обычно, Танька шустро собрала продукты под его диктовку. Когда он закончил и начал складывать список, она кинула ему одну из своих дежурных улыбок и сказала:

– Нормальные люди уже давно все в телефон записывают. Один ты, старый хрыч, с бумажки читаешь. У тебя небось и телефон еще дисковый, как у динозавра.

– Скажешь тоже, – проворчал старик и потянулся за бумажником, – не такой уж я и отсталый. Кнопочный стоит. Спектр-201.

Танька хлопнула себя по лбу, закатив глаза. Но потом зуд старой сплетницы победил, и она вернулась к тому, что так и свербело у нее на языке.

– Кстати, новости слышал? – Продавщица наклонилась и зашептала, как всегда, когда передавала очередную сплетню: – С центра опергруппа приехала.

– Бандитов, что ли, ловить? – в груди у Виктора снова потяжелело, а на лбу выступили мелкие капельки пота. Старик привычным движением закинул таблетку под язык и накинулся на старую знакомую: – Тебе бы только людей пугать. Ты меня своими новостями до инфаркта доведешь.

– Не ссы, старый, – осклабилась продавщица, – они мумиями не интересуются. А вот бандитами да. Слышал, в последнее время на трассе пустые машины находят?

Таблетка наконец подействовала. Виктор потер грудь и растянул губы в улыбке.

– У меня в отличие от некоторых и другие дела есть, чем сплетни собирать. И что, много находят?

– Говорят, не меньше десятка. И это только в последний месяц. А началось вообще месяца три назад. Кстати, у меня свекор колбасу начал делать. Кровяную. Интересует?

– С чесноком? – невольно заинтересовался он.

– Знамо дело, с чесноком. Кто ж кровянку без чеснока делает? – удивилась Танька.

– Не, с чесноком не надо, – огорчил ее старик и заторопился к выходу. – Бывай, кошелка старая.

– От старого хрена слышу, – не осталась в накладе Танька, но Виктор ее уже не слышал. Нужно было хорошо подумать.

От давящих мыслей его отвлек случайный прохожий.

– Огоньку не найдется?

Он давно бросил курить, но зажигалка всегда была в кармане – в своем доме без нее никуда.

Незнакомец прикурил сигарету и глубоко затянулся.

Как это его сюда занесло? – подумалось старику. – Видно же, что не местный. Серый костюм-тройка – у нас таких не носят. Туфли кожаные. Да и сигареты такие в ларьке не купишь. Как их там, сигариллы, кажется.

– Про убийства слышали? – ошарашил его прохожий.

Из опергруппы, что ли? – мысли Виктора помчались вскачь.

– Да, не переживайте так. Вредно для сердца. Я просто мимо проходил, – угадал тот его мысли.

И, как ни в чем не бывало, продолжил.

– Я вот о чем думаю. Кто-то убивает людей на дороге. А кто-то его покрывает, – он насмешливо склонил голову и пристально, как птица, посмотрел на старика одним глазом.

Глаз был зеленым и пустым, как бутылочное стекло.

– На его месте я бы хорошо подумал – а ради чего я это делаю?

И пока Виктор судорожно пытался найти ответ, спокойно развернулся и ушел.

Черти что! Бывают же люди, не люди, а черти какие-то! – ругался старик всю дорогу домой. – Напугал и смылся. А зачем? В чем смысл?

***

Дома ничего хорошего так и не придумалось. Он долго разбирал продукты, раскладывая по полкам холодильника то так, то эдак. А потом сел и обхватил голову, упершись локтями в стол.

Что же делать?

Бежать?

Но куда? И самое главное, на какие шиши?

Дом можно продать. В местную больницу молодого врача прислали как раз. Сейчас жилье ему ищут. Предложи нормальную цену – с руками оторвут.

А дальше что?

С этих денег можно купить квартиру на окраине центра. Но не дом. А в квартире порог его не защитит. Куда я Клаву дену, не в лесу же ее прятать?

Про три десятка пустых машин он старался не думать.

Про то, что в городе начнут исчезать люди, тоже.

В конце концов, так ничего и не придумав, Виктор пошел за телевизором. На улице уже темнело.

***

– Может, нам машину купить? – идея возникла неожиданно, прямо во время рекламы.

Клава удивилась, но ничего не сказала. Муж протянул ей вазочку со свежим рахат-лукумом и продолжил думать вслух:

– Микроавтобус небольшой. Я по телевизору видел, как умельцы из них автодома делают. Если из салона кресла убрать, как раз можно койку поставить.

– Витя, скажи прямо – что случилось?

– Милиция с города приехала, Клава. Милиция. Ищут, кто на трассе людей… – Виктор замялся. – грабит.

Какое-то время они молча пили чай.

– Купим машину. Права у меня есть, не просрочены. Потом можно дом продать и купить квартирку на окраине города. Машину во дворе поставим. – План потихоньку оформлялся.

– У меня тоже есть немного денег, – наконец ответила жена. – В сарае. Я откладывала.

Старик промолчал. Он не хотел знать, откуда у нее деньги.

Когда время вышло, он спросил:

– Ты можешь сегодня не уходить?

– Прости. Не могу, – ответила она, не оборачиваясь. И тихо исчезла в темноте.

До самого утра старик не спал. Лишь утром, услышав привычный звон щеколды, он позволил себе наконец закрыть глаза.

***

– Поймали! – крикнула ему Танька-продавщица, стоило ему появиться на пороге.

– Кого поймали? – опешил старик. Всю дорогу до магазина он думал о плане и теперь не мог собраться с мыслями.

– Тебя Альцгеймер догнал, что ли, пень старый? Бандитов поймали – только вчера тебе говорила. Помнишь, Мишку-уголовника? Так это его с подельниками дело. У них, оказывается, там целая блат-хата в доме организовалась. Вот их всех и повязали. Эй, ты куда? А продукты?

Она с минуту недоумевающе смотрела ему вслед, а потом махнула рукой и переключилась на покупателей. Чего она не видела, так это того, как старик с посеревшим лицом, едва переступив за порог, привалился к стене и одну за другой кидал в рот таблетки.

***

– Машину я все-таки куплю. Смотрел сегодня объявления в газете. Не так уж и дорого. – Впервые за несколько дней Виктор был спокоен. Он прекрасно понимал, что ничего еще не решилось. И вряд ли решится. Но теперь у них появилась передышка, а это уже что-то.

Старик как раз поднес чашку к губам, когда Клава спросила:

– Почему ты тогда не поджег сарай?

Виктор медленно опустил чашку, изо всех сил стараясь не звякнуть ею о блюдце. Потом опустил голову и честно ответил:

– Я не смог. И никогда не смогу.

– Прости.

Они долго молчали. В словах нужды не было.

– Так какую модель ты присмотрел? Дорого стоит? – Жена улыбнулась ему, и жизнь снова вернулась в привычное русло. Старик ответил на улыбку и потянулся за газетой.

А потом понял, что не может вдохнуть.

Отрешенно он наблюдал, как рука, которой он пытался достать таблетки, хватает воздух прямо возле кармана. Комната завертелась в его глазах, и он услышал глухой стук.

– Клава? – в ушах стучали молоты, грудь сжало, как стальными тисками.

В последние мгновения слух вернулся к нему, и он успел услышать, как его жена, отчаянно воя, бьется о невидимую дверь, пока он пытается сказать самые важные слова в своей жизни.

От автора:

В следующей главе мы узнаем, что случится, если обычный таксист решит подвезти Снежную Деву, пришедшую по его душу. А также узнаем, кто сильнее — корейское хе или японский ёкай.

Глава 4. Песня Снежной Девы

Март — мой любимый месяц. В кои-то веки можно не сдерживаться и дать волю своим силам.

Я подставила лицо легкому ветерку и сладостно потянулась, заставив снежинки плясать и кружиться в потоках воздуха. Рукава кимоно и концы пояса оби, которые я специально оставила свободными, присоединились к танцу и завертелись в обнимку с ветром. Восторг переполнил мою грудь, и я радостно закружилась на месте, широко раскинув руки. Как ледяной цветок в снежном водовороте.

Или как обычная Снежная Дева — дух Зимы и Ветра и гроза одиноких путников.

***

На трассе в потоках ураганного ветра отплясывала полоумная девка в белой хламиде. При этом злобно хохотала, как пьяная ворона. Хан чертыхнулся и, наглухо застегнув ворот куртки, полез из машины — прямо в снежную пургу. Нужно было спасать ненормальную, пока она вконец коньки не отбросила.

День у него не задался с самого начала. Думал, что успеет проскочить по трассе, пока не началось. Прогноз погоды был в своем стиле: сначала легкий ветерок, нежно гнущий арматуру, потом пару тонн снега на голову, а дальше — ждите четырех всадников, после чего мы все умрем.

Не проскочил.

Началось.

***

Мой чарующий танец прервало появление того, кому Сэкидзан Мёдзин отпустил участь замерзнуть сегодня на трассе. Я на секунду замерла, а потом вернулась к танцу. Мои алые, как кровь, губы приоткрылись, и я запела песню нежной смерти, дарующей сладкие сны перед уходом.

– Господи, она еще и поет, – донеслось до моих ушей, и я чуть не сбилась с ритма. – Нет, в караоке я ее точно не повезу. Это ж преступление против человечества будет.

А потом он выдал такое, что я спотыкнулась посреди шага и чуть не села своей нежной попкой в сугроб.

– Девушка, вы детей любите?

– Эээ... Нан дес ка?

– Ну вообще зашибись. Она еще и не местная.

***

К каждому сумасшедшему есть свой подход. Это он выучил еще когда санитаром в дурдоме подрабатывал. Например, орет болезный: щас всех порешу! А ты ему: в курсе, что в местном магазине цены на водку упали?

Он такой: простите, что?

А ты ему: галоперидол пора принимать, вот что. И вяжешь его.

С врачами, правда, это не прокатило — поэтому он сейчас бомбилой и пашет. Говорили: Хан, прости, но мы тебя все время с пациентами путаем.

Жалко, конечно. Коллектив неплохой был.

Да и с больными всегда поболтать было о чем.

Полоумная перезагружалась с минуту, потом-таки разрешилась.

– Э, да. Люблю.

– Тогда лезь в машину поближе к печке, пока последнее не отморозила! – проорал таксист, пытаясь перекричать вой ветра, и, пока она, пошатываясь, шла к машине, полез в багажник.

Через минуту девушка в полном шоке смотрела на себя в зеркало заднего вида. На ней был тяжелый овчинный полушубок — бабка шила. Это тебе не новомодные дубленки — грудь открыта, задница тоже. А настоящий бронебойный. Хан его всегда в багажнике хранил — как раз на такие случаи.

Голову девицы гордо венчала шапка-ушанка.

Водитель врубил печку на полную, а потом принялся растирать ей уши. Та ойкнула и возмутилась.

– Зачем вы это делаете?

– Девушка, ты, видать, еще не отошла. Вопросы неправильные задаешь. Не зачем, а почему. Потому что людям обычно нравятся девушки с полным комплектом ушей.

Потом посмотрел на ее маленькие изящные стопы в пляжных шлепках. Странные шлепки какие-то. Деревянные. Хлопнул себя по лбу и опять полез в багажник.

Через минуту незнакомка сидела в черных валенках. На валенках были надеты не менее черные галоши.

***

Я смотрела на себя в маленькое зеркало на лобовом стекле и вспоминала основные способы выполнения сеппуку. Женщинам вообще-то положено в шею, но я была уверена — если начальство увидит меня в таком виде, то одобрит и в живот.

И даже кинжал выделит казенный.

И помощника предоставит.

Виновник моего позора как ни в чем не бывало всмотрелся в окно, залепленное снегом.

– Все, встряли. Теперь будем здесь куковать, пока первые трактора не поедут. Здесь сотовый не ловит, до МЧС хрен дозвонишься. Кстати, ты японка, что ли?

– Да, – я понятия не имела, что делать дальше. Как я ему петь-то буду? В валенках и шапке-ушанке?

К тому же эта сволочь бескультурная вообще ничего не понимает в традиционной японской музыке. Когда я дома пела, царила мертвая тишина. Все звуки смолкали, даже собаки переставали лаять и вежливо покидали пределы поселка, чтобы не мешать слушателям.

Таксист полез в бардачок и достал старую армейскую фляжку.

– На, хлебни грамм пятьдесят. Мне нельзя, а то заснем оба и кирдык. А тебе чуть-чуть не помешает. Согреешься.

Не зная, что делать, я отвинтила крышку и сделала глоток.

В моей голове пронеслись картины бескрайних картофельных полей. По дорогам стройными рядами ехали пьяные трактористы. На них лаяли собаки в фуражках гаишников, а деревенские бабки в военной форме цвета хаки лузгали семечки.

А я поняла, что ХОЧУ УБИВАТЬ!

Пока я пыталась откашлять свои легкие, отравитель хлопал меня по спине.

– То-то же. Забористая дрянь. Дед сам гонит. Регулярно из деревни ящик привозит. Помню, при Союзе участковый к нему пришел — дескать, нарушаем, товарищ. Потом рюмашку тяпнул, сказал, что химическим оружием не занимается, и больше не приходил. Участковый — нормальный мужик, но пить совсем не умеет.

***

Хан посмотрел на отключившуюся девчонку и понял, почему дед называл свой фирменный напиток бабоукладчиком. Потом вздохнул и вышел на улицу. Нужно было снег откидать.

Вовремя вышел, кстати.

Выхлопную трубу уже почти полностью завалило снегом. Еще немного — и движок начнет захлебываться, а потом и вовсе умрет.

Таксист откопал трубу, сгреб снег в две стенки по бокам, чтобы защитить ее от ветра, и полез обратно в машину.

Греться.

***

От битвы с пьяными трактористами меня отвлек его голос.

– Что-то хорошее снилось? Ишь как руками махала во сне.

Я потянулась было к его шее, но вовремя взяла себя в руки. Если я его тут придушу, меня за такое нарушение инструкций мигом в рядовые ёкаи разжалуют. Буду ходить и прохожих пугать голой задницей с торчащим глазом.

– Ты же по-японски говоришь? Завидую. Удобно, наверное, аниме смотреть без субтитров, – мужик прислушался к работе двигателя. Удовлетворенно кивнул и продолжил.

– А у меня талантов к языкам нет. Бабушка меня, помнится, пыталась на корейском научить разговаривать. Потом в гостях решила похвастаться: ну-ка, внучек, покажи, чему я тебя научила? Ну, я и выдал: паби-мури, водка-сури, микунги и мудёри. Больше не учила.

Святые ками-угодники! ОН ЕЩЕ И АНИМЕШНИК! – я вспомнила, во что нас одевают предатели-художники в своих мультиках, и опять потянулась к его шее. Снова сдержалась и взяла фляжку.

Чтобы руки занять.

– Эй, ты поосторожней с бухлом-то, – предупредил таксист, глядя, как я глотаю самогон. – Это такси, а не токсикология.

Жену учить будешь, – подумалось мне. – А я — бессмертное существо из японского фольклора.

– Тебя как зовут-то? – наконец поинтересовался бомбила.

– Юк... Юля, – пришлось вспомнить все, что я знаю об этих проклятых местах.

– Заикаешься? Ну ничего, не переживай. Сейчас, говорят, это лечат. У нас вот Ванька-заика был. Всю жизнь заикался. А потом как-то раз нажрался и с крыльца упал. Прямо головой об перила. Думали, помрет. И ты не поверишь, как бабка отшептала.

Потом заткнуть не могли.

Я уже вообще не понимала, что происходит. Какой Ванька-заика?

– А я Хан, – продолжил добивать меня таксист. – Вообще-то правильно Хван, но по документам Хан получается. Отец, когда документы пошел оформлять в сельсовет, с собой дедовского взял. Налил писарю — надо же проставиться. Писарь выпил и такой: чего надо?

А батя: ребенок родился.

А писарь ему: девочка?

Батя: нет.

Писарь: А КТО? Хороший у деда самогон, просто народ слабый пошел.

Ну, батя такой: как кто? Хван. Он тоже поддатый был — все-таки сын родился.

Писарь: ну Хан, так Хан. Так и записал.

***

Я отхлебнула еще немного дедовского и попыталась оценить масштаб катастрофы, в которую превратилась моя жизнь. Немного мешали утюги перед глазами, но я их отогнала рукой.

Итак. Я — могучий ёкай, сижу в зюзю пьяная в шапке-ушанке и валенках с бутылкой самогона в руках. И слушаю, как таксист рассказывает мне какой-то сюр про аниме, Ваньку-заику и пьяного писаря.

От этих мыслей мышцы живота свело судорогой, и я сделала то, чего не делала уже пару тысяч лет.

Заржала как лошадь.

Хан молча смотрел на то, как я хрюкаю, плачу и сморкаюсь.

Размазываю слезы и тушь по глазам.

Задыхаюсь и снова рыдаю от хохота.

Бьюсь головой о торпедо, пытаясь успокоиться.

Смотрел абсолютно спокойно. Видимо, для него это была обычная история.

И тут случилось странное. Моя сила наконец-то освободилась. Без пения, без танцев. Достаточно было дедовского самогона и одной истерики.

Я торжествующе взвыла метелью и отправила его в предсмертный сон.

Сценарий № 1 — счастливая семейная жизнь.

Инструкция простая как палка. Сначала навеять сон про чудесное спасение из метели. Потом изобразить идеальную жену и организовать прекрасную семейную жизнь. Клиент замерзает счастливым, все довольны.

А работа сделана.

Но сегодня мне было плевать на инструкции. Кровь буси бурлила в моих жилах и требовала отмщения за перенесенный позор.

– Ну, держись, сволочь непрошибаемая. Я тебе еще устрою!

Голова Хана опустилась на рулевое колесо, и я вошла в его сон.

***

Сцену с приездом трактора и спасением я прокрутила на ускоренной перемотке. Также промотала и конфетно-букетную стадию. Когда дошла до совместной жизни, врубила нормальную скорость и, спрятав пульт управления, пошла готовить свое секретное оружие.

Обед.

Когда Хан вернулся с работы, его ждала примерная жена с идеальным угощением.

На столе благоухала пиала с полупрозрачным мисо-супом. Батарея закусок — каждая в отдельной мисочке. И финальный штрих — тарелочка с суси.

Рис идеальной консистенции. С любовью выращен в провинции Ниигата.

Полупрозрачные ломтики наисвежайшего тунца. Пришлось в Токио по-быстрому смотаться. Хорошо, что успела к открытию рынка Цукидзи — там рыба лучше.

Муж с интересом оглядел угощение. Сжевал ломтик имбиря и остался доволен. Потом съел столовую ложку натурального васаби.

Судорожно втянул ноздрями воздух и удивленно крякнул.

– А неплохо!

После чего с подозрением поковырял суси.

– Сырую рыбу любишь? У нас в деревне Васька как-то на спор сырых карасей нажрался. Потом вот таких, – он развел руки на всю ширину плеч, – глистов достали.

Я улыбалась ему улыбкой примерной японской жены и думала, что прокрутить сон до момента его мучительной смерти — не такая уж плохая идея.

Хан, видимо, понял, что-то не так, и решил спасти ситуацию.

– Слушай, а ты корейское хе из рыбы пробовала? Не эту дрянь из магазина, где одна морковка, а настоящее домашнее. Нет? Ну так я сейчас — меня дед научил.

Спустя полчаса передо мною стояла тарелка с непонятным содержимым. Содержимое было подозрительно красным.

В семидесятипроцентной уксусной эссенции, которую запрещено употреблять неразбавленной, испускал дух тунец, любовно выловленный у берегов Японии. Аромат стоял такой, что я сразу поняла, почему у нас в квартире даже при открытых окнах нет мух. Они при такой концентрации чеснока и кориандра в воздухе не выживают.

Я, чтобы не обидеть, аккуратно взяла палочками кусочек красной от перца рыбы и положила в рот. Не отравит же он меня, в конце концов.

А, нет. Отравит.

И пока я с красным лицом каталась по полу, вцепившись в горло, а Хан бегал вокруг со стаканом молока, в голове промелькнула утешительная мысль.

В принципе, так тоже неплохо получается. Я сейчас помру, а его посадят за убийство жены.

С отягчающими.

Будет до конца сна на нарах чалиться.

***

Когда я кое-как пришла в себя, Хан уже нашел повод для тактического отступления. Очень предусмотрительно — на кухне полно колюще-режущих предметов.

– Ну, я это. Пойду побомблю еще немного до вечера.

Он вышел за дверь, а я мстительно усмехнулась и щелкнула пальцами.

Раздался мелодичный звон.

Где-то на лестничной площадке на голову корейскому таксисту свалился медный тазик.

Дверь открылась. На пороге стоял Хан с улыбкой шесть на девять.

В руках у него был медный таз.

– Юлька, смотри, какую вещь выбросили. Настоящая медь. Варенье варить самое то.

Он всучил мне в руки таз и снова скрылся за дверью.

Я пожала плечами и щелкнула пальцами еще три раза.

Дверь снова открылась. Я вновь увидела счастливое лицо мужа.

– Юлька, ты не поверишь.

– Иди уже. – Я взяла у него тазики и, дождавшись, когда он уйдет, пошла искать дедовский самогон.

***

Когда Хан вернулся домой, Юлька была в полном отрубе. Это нехорошо, нужно перепрятать заначку. Он поставил наполовину съеденное хе в холодильник – пускай еще настоится, вкуснее будет. Надо же – сообразила, что дедовский сэм лучше всего закусывать дедовским же хе.

Потом обнаружил в мусорном ведре суси. А вот это уже плохо.

Обиделась.

Надо бы ей завтрак приготовить – подлечиться с утра.

***

Проснуться внутри сна — это само по себе не очень приятно. Проснуться внутри сна с бодуна — еще хуже.

Муж уже встал. Он оглядел меня придирчивым взглядом и поприветствовал:

– Физкульт-привет алкоголикам!

Я бросила в него подушку. Мне было не до него.

На кухне меня уже ждал разогретый завтрак. Яичница-болтунья на сковороде, огуречный салат и пиала с супом, в котором уже плавал рис.

Я посмотрела в чашку.

Что, мать его за ногу, он сделал с моим мисо-супом?

Этот вандал сделал из нежнейшего мисо ЗАЖАРКУ ДЛЯ СУПА???

С ЛУКОМ И КОРИАНДРОМ???

– Ешь, не бойся. Я раз в десять меньше перца положил, чем обычно. – слова Хана нисколько меня не успокоили.

Сил бороться и возмущаться уже не было. Я сунула ложку в рот и проглотила.

Горячая пряная жидкость продрала горло обжигающей лавой, ухнула в желудок, и я оказалась в сауне. Меня тут же прошиб пот, и муж протянул заранее подготовленное полотенце.

Я захрустела салатом и выдохнула, чтобы хоть немного охладиться. Пот с лица лился градом. Жизнь налаживалась.

Когда он ушел на работу, термоядерный супчик уже полностью вернул меня к жизни. Я щелкнула пальцами и перевоплотилась в бесплотную тень.

Пришло время плана Б.

Отправить его в дурку.

***

Хан как раз открывал машину, когда мимо него ровным клином пролетело пятнадцать утюгов. Он пожал плечами, открыл капот и принялся проверять масло.

Юлька невидимой тенью мрачно наблюдала за этой картиной. Потом решительно щелкнула пальцами.

Муж сел за руль и завел машину. Привычным движением поправил зеркало заднего вида.

На него из зеркала смотрел черт.

Он пару секунд вглядывался в отражение, потом почесал себя между рогами и пробормотал:

– Надо у деда спросить, не менял ли он рецепт в последнее время.

***

Клиенты в тот день были как на подбор.

Мужик без штанов с глазом в заднице. Из наркологии, видать, сбежал. Или из проктологии. Хан не врач, Хан не разбирается.

Девка с двухметровой шеей. Актриса, наверное.

Красный, голый, рогатый качок с железным ломом.

Видимо, кино где-то снимают. Или, может, маскарад какой — с этими новомодными праздниками сам черт ногу сломит. На Хэллоуин и не таких возить приходится.

На дороге тоже черт-те что творилось. То стадо слонов пройдет по переходу. То летающая тарелка все место на парковке займет.

Вечером, когда он с аппетитом ковырял поджаристую яичницу с колбасой — прямо как он любит, жена с напряженным лицом поинтересовалась:

– Ты сегодня на работе ничего странного не замечал?

– Да нет, – Хан проглотил кусок и потянулся за чаем. – И похлеще дни бывали.

Юлька молча вышла из кухни и ушла в спальню. На секунду ему показалось, что он услышал всхлипывания.

ПМС, – поставил диагноз Хан.

Сейчас начнется. То хочу сок в два часа ночи. То почему в шапке, почему без шапки. А потом: сволочь, ты меня совсем не любишь!

Завтра ей цветы куплю, – решил он и пошел утешать жену. Сегодня надо лечь вовремя — завтра дел полно.

***

Я встала пораньше и пошла на кухню жарить яичницу с помидорами. Заодно обдумать дела свои скорбные.

Это было полное фиаско. Шесть букв, вторая буква — И, последняя буква — Ц. Муж был абсолютно непрошибаем.

Приготовив завтрак, я принялась за тормозок. Нарезала батон, колбасы, сыра. Налила морс в бутылку.

Может, ему пургену в обед подмешать? – мелькнула случайная мысль.

Бесполезно. После корейской кухни он либо вообще не заметит, либо скажет: шаурма несвежая попалась.

Пора было заканчивать. Начальство, конечно, не одобрит. Ну и хрен бы с ними. Не первый раз замужем.

Когда муж, позавтракав, чмокнул меня в щечку и ушел на работу, пришло время собираться в дорогу.

Я перемыла посуду, пропылесосила в квартире, а потом достала пульт.

И нажала на кнопку стоп.

Сейчас сон закончится, и мы снова окажемся в машине, замерзающей посреди бурана.

Ничего не произошло.

Я потрясла пультом — может, батарейки сели — и повторила.

Тот же результат.

Щелкнула пальцами.

С неба свалился медный тазик.

Щелкнула еще раз.

В окне, яростно щебеча, пролетела вперед хвостами стая воробьев.

Тогда я села на пол и заорала.

***

Когда Хан вернулся домой с букетом роз, его жена сидела в прихожей с полупустой бутылкой сэма в руке и горестно подвывала заунывную песню на японском.

– А я-то думаю, почему все бабки и собаки разбежались. Оказывается, у нас тут конкурс на лучшую похоронную песню. У меня как раз и приз победителю есть.

Он присел рядом, взял у жены бутылку и вложил ей в руки цветы. Потом сделал добрый глоток. Работа окончена, можно и расслабиться. Тем более что разговор явно будет непростой.

– Что случилось, милая?

Юлька прижала к груди букет и посмотрела на него абсолютно трезвыми глазами.

– На самом деле я вообще не человек. Я японский ёкай. Снежная дева.

– Да я уже понял, что не уборщица. А реветь-то зачем?

– Ты что, совсем не удивлен? – супруга как обычно была в шоке.

– Юля, как бы тебе это помягче объяснить. – Хан сделал глоток и передал ей бутылку. – Я таксистом работаю. А до этого санитаром в дурке пахал.

Для меня это обычный вторник.

И тут жену прорвало. Она прижалась к его плечу и сквозь слезы начала вываливать одну новость за другой.

Он умер. Замерз на трассе.

А теперь застрял с ней в этом сне о семейной жизни. И пульт сломался, даром что японское качество. Батарейки тут ни при чем — она проверяла.

Когда она выплакалась и робко посмотрела на него снизу вверх, Хану пришлось втолковывать ей очевидные вещи:

– А в чем вообще проблема?

Живой?

Живой.

Работа есть, жена есть. Живем вроде бы неплохо. Только одна не пей, а то это уже в привычку входит.

Когда они пошли расписываться, по небу пролетело пятнадцать утюгов.

***

Где-то в обшарпанном офисе дьявол еще раз перечитал строчки отчета. Поправил рукава серого костюма-тройки. Немного освободил галстук. А потом от души выругался:

– Какого черта? Что тут вообще происходит?

От автора:

В следующей главе мы узнаем больше о мужчине в сером костюме и глазами разного цвета. А именно, почему заключать с ним сделки — очень плохая идея.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.